

Владимир МИХАНОВСКИЙ

ЗЕЛЕНАЯ ОБЛАКО

РАССКАЗ

Четверо суток, если перевести в земное измерение времени, бушевал ураган. Немой ураган, без грохота, ливней и могучих океанских валов. Четверо суток, фиксируя необычное излучение, конвульсивно дергались стрелки приборов. Четверо суток межпланетный корабль «Адальберта Виргиния» шел сквозь взбесившееся пространство, как путник, потерявший направление, продирается сквозь джунгли. И только на пятые сутки пляшущая синусоида, что неумоимо бесновалась на экране капитанского пульта, нехотя нырнула наконец под красную горизонталь.

Курс, как и предсказывал капитан, быстро удалось восстановить, однако радость немногочисленного экипажа оказалась преждевременной. На поверхности корабля локаторы обнаружили странные изменения — таких повреждений не было за все годы полета. Меньше всех, казалось, удивился капитан.

— Коля, выйди наружу и выясни, в чем дело, — распорядился он, слегка нагнувшись к мембране видеофона. — Автоматике я перестал доверять...

Надев скафандр, штурман Николай Борт крутанул верньер с надписью «вакуум». Стены барокамеры едва заметно задрожали и покрылись узорчатым инеем. Стрелка барометра, описав полный круг, уткнулась в «зеро».

Все! Можно выходить.

Штурман нажал на кнопку, но люк остался неподвижным. «Заело», — подумал обеспокоенно Борт.

В этот момент на экране видеофона появилось лицо капитана.

— Что, не открывается? — спросил Федор Скала.

— Да.

— Тогда подожди.

Через несколько минут в барокамеру вошли капитан и астробиолог Ярослав. Вслед за ними туда же влетел Кир — благо он в скафандре не нуждался.

— Нештатная ситуация, — заметил Ярослав, ударив кулаком по люку. Капитан, астробиолог и штурман что было силы налегли на люк, но он не поддался.

— Придется тебе, Кир, — сказал капитан и сделал шаг в сторону. — Только антенну не повреди.

Робот разогнался и литым плечом ударил в люк, многотонный удар эхом отозвался в отсеке. Только после третьей попытки люк поддался.

Первым выбрался наружу капитан. Последним вылез Кир, цепляясь щупальцами за края люка.

Выбравшись на поверхность звездолета, штурман Борт в первое мгновение зажмурился, сделал несколько шагов, преодолевая сопротивление магнитных присосок, и посмотрел в портативный телескоп, с которым во время вылазок никогда не расставался.

Впереди по курсу, в черной бездне, пылало созвездие Лебедя. Оно было похоже на клочок голубого шелка, усыпанного

блестками. Тускло сверкала схваченная синим поясом туманность Андромеды. В самом ее центре несколько звездочек отливали красноватым светом. Казалось, это стыннут угольки в сизом пепле костра. Ярко пылала фиалковая лента Ориона. Плавало в сером кольце созвездие Лиры...

— Ты не заснул, Николай? — прозвучал в наушниках голос капитана.

Штурман оторвал взгляд от трубки телескопа и, посмотрев под ноги, удивленно крикнул: поверхность корабля была покрыта тончайшим слоем изумрудного по цвету вещества, которое фосфоресцировало. Ближе к фотонным дюзам свечение становилось ярче, цвет переходил в светло-зеленый. Нетрудно догадаться, что загадочное вещество обладает огромной плотностью.

— Возможно, микрометеориты налипли, — высказал предположение астробиолог.

— Почему же тогда приборы не показали метеоритный ливень? — возразил штурман. — Нет, тут что-то другое...

— Кир, возьми на пробу, — отдал приказ капитан.

И все четверо двинулись к входу в корабль...

После обеда Скала спросил астробиолога:

— Ну, как там поживает изумрудное вещество?

— Пока ничего не могу сказать, — как-то неохотно ответил Ярослав. — Приборы капризничают. Я опустил пробу в насыщенный раствор астрогиббереллина...

— Гиббера? — удивился Борт. — Но почему ты думаешь, что в веществе, которое находилось в условиях температуры выше двух с половиной тысяч градусов, посчастливится обнаружить биологические признаки?

Астробиолог собрался пояснить, что натолкнуло его на такое предположение, но тут завывала сирена. На контрольном пункте близ цифры 3 вспыхнула звездочка аварийной сигнализации. Третий отсек... Это была астролaborатория.

Ярослав метнулся из каюты. Вслед за ним бросился штурман. Оклик капитана «остановитесь!» настиг их у самых дверей.

Федор включил экран, который занимал всю заднюю стенку кают-компания, перебрал несколько клавиш, и перед тремя космонавтами предстала астролaborатория. Хитроумная аппаратура, уставленные приборами стеллажи... Но что это? Какая сила сдвинула с места массивные термостаты? Их черноматовые кубы, вместо того чтобы находиться в стройном порядке, громоздились теперь в углу. Один из кубов на их глазах внезапно раздулся и лопнул, и сквозь щель поползло что-то зеленое, похожее на олений мох.

— Споры! — прошептал побледневший астробиолог. — Я подозревал это...

С экрана словно напоздало наваждение, гипнотически окутавшее всех.

Первым пришел в себя капитан,

— Кир! — крикнул он. — Немедленно в третий отсек. Задрай выход...

Робот, не раздумывая, выскочил в коридорный отсек. Однако чем ближе к третьему отсеку, тем медленнее становились его движения. Вскоре он стал перемещаться осторожно, почти крадучись. На экране хорошо было видно его шарообразное тело, мощные щупальца, поблескивающие глаза-фотоэлементы.

Внешне все выглядело как обычно. Но каждый из космонавтов с минуты на минуту ожидал какой-то беды.

До сих пор «Адальберта Виргиния» мчалась сквозь космические пространства без особых приключений. Даже достигнув района загадочного Антареса, экипаж не обнаружил никаких подтверждений гипотезы академика Светлова: хоть бы какие-нибудь признаки высокоорганизованной материи! Только радиация, уровень которой все время возрастал, наводила на мысль, что жизнь в этих сферах невозможна. Но что же в таком случае означают показания биоанализатора? Если им следовать, то зеленая масса является носителем жизни. Но почему на нее не влияют сильнейшие радиационные бури? Какова ее природа? Здесь возникали десятки вопросов, и ни на один пока не было ответа.

Между тем немой ураган, который четверо суток буйствовал снаружи и только недавно утих, не прошел бесследно ни для корабля, ни для тех, кто находился в нем. Микрочастицы, с огромной скоростью бомбардируя корабль, порождали в отсеках вторичное излучение. Чуткие приборы, правда, едва фиксировали его. Раскрыть физическую природу поля никак не удавалось. Во всяком случае, оно вело себя довольно странно: под воздействием загадочных лучей космонавтов то и дело клонило в тяжелую, какую-то дурманную дремоту. Еще более непонятно действовало поле на роботов: однажды они вовсе потеряли способность двигаться, и только Кир составлял исключение.

Космонавты наткнулись на своих белковых спутников в самых неожиданных местах. Роботы застыли в углах многочисленных отсеков, на винтовых бегущих лестницах, движущихся транспортерных лентах — собственно, повсюду, где их охватывала страшная катаlepsия.

Выполняя приказ капитана, Кир постепенно доставил космонавтов в тринадцатый отсек, где хранилось снаряжение, необходимое для высадки на чужие планеты. Сделал он это с помощью манипуляторов, которые тоже не без труда подчинились командам.

— Похоже, теперь и Кира поразила проклятая дремота, — заметил Ярослав и с трудом подавил зевету. Все трое не отрываясь наблюдали за тем, что происходит на экране.

Кир между тем повел себя неожиданно. Вместо того чтобы задраить люк, как было приказано, он некоторое время постоял перед ним, затем неожиданно устремился к третьему отсеку.

— Лучше бы он уснул, чем разума лишился, — с досадой произнес астробиолог, потирая ладонью покрасневшие глаза.

— Не спеши с выводами, — посоветовал капитан. Он не глядя пощелкал на пульте клавишами, и на экране появилось изображение третьего отсека.

...Вбежав в отсек, белковый замер у двери. Зеленая масса, долгие дни созревавшая в контейнере, теперь буйствовала, росла, стараясь заполнить все свободное пространство. Она играючи ломала и расщепляла все на своем пути. Даже термостаты, изготовленные из сверхпрочного нейтролана, один за другим лопались, как перезрелые дыни.

Увы, подробных инструкций Кир получить не мог — то, что торилось в отсеке, явилось полной неожиданностью и для экипажа, а связь с роботом оказалась нарушенной.

Итак, белковому была предоставлена свобода действий, и судьба экипажа и корабля волей случая оказалась в его руках, точнее, щупальцах.

Простейшее решение: попытаться уничтожить, сжечь лучевым методом таинственное вещество. Но спешить с этим неразумно: ведь Кир знал от людей, что в районе Антареса они надеются обнаружить высокоорганизованную жизнь. И никто не мог предположить, какую форму она примет...

Все эти соображения пронеслись в мозг белкового за какие-то доли секунды, в то время как он стоял спиной к люку, загораживая выход из отсека.

Следующим действием Кира было — задранть люк.

Едва белковый успел сделать несколько шагов к середине отсека, как на него сверху, раскачиваясь, начало опускаться что-то похожее на зеленую лиану. Она изгибалась словно живая и едва не касалась черной блестящей поверхности робота. Оборвать ее? Испепелить? Но что это изменит? Нет, сначала необходимо определить правильную стратегию поведения, алгоритм необходимых действий.

Кир отскочил в угол отсека и застыл в выжидательной позе. Это решение выглядело разумным: по крайней мере, с трех сторон его защищали стены и пол.

Робот внешне казался спокойным. На экране было четко видно, как движутся его усики-антенны, холодно поблескивают круги фотоэлементов, дрожат микролокаторы.

Прежде чем начать действовать, Кир накапливал информацию. В эти мгновения он перебирал в мозгу тысячи вариантов, выискивал среди них самый целесообразный, быть может, единственный.

Люди, собравшиеся перед экраном в далекой кают-компании, понимали, что именно теперь решается и их судьба.

В этот момент восстановилась радиосвязь с третьим отсеком. Скала нажал кнопку приема, шорох и писк радиопомех наполнили помещение.

— ...Счел необходимым проникнуть внутрь третьего, — донесся до них четкий голос Кира. — Люк задраен. Анализ

воздуха в отсеке... — голос робота начал слабеть, словно белковый от них удалялся.

— Короче! Докладывай только о самом главном, — предупредил капитан. — Судя по индикатору, энергия в твоём переговорном аккумуляторе кончается.

Николай Борт кашлянул. Следить за энерговооруженностью роботов входило в его функции. В течение нескольких дней он собирался поставить Киру новый аккумулятор. А потом «Адальберту Виргинию» захлестнули малоприятные неожиданности: радиационный ураган непонятной природы, выход белковых — кроме Кира — из рабочего ритма, заклинивание переходных люков, наконец, сонная болезнь, поразившая экипаж. Да тут еще изумрудное вещество, представляющее собой, по всей видимости, грозную опасность...

Так или иначе, оплошность Николая могла теперь привести к роковым последствиям.

— ...Анализ воздуха в отсеке, — упрямо повторил Кир, — свидетельствует, что процентный состав кислорода ниже обычного и продолжает уменьшаться.

Космонавты молча переглянулись — это было новое звено в цепи неожиданностей.

— Намерен начать исследование зеленой субстанции, — спокойно продолжал Кир, словно находилась не на корабле, который достиг далекой звездной системы, а на тренировочном полигоне.

Прошло несколько минут, и связь с белковым прервалась. Кир не трогался с места, выжидал. Какие-то соображения, видимо, удерживали его от решительных действий.

Подвижный язык, похожий на зеленое пламя, подполз по полу отсека к стеллажу, разбившись на струйки, охватил его со всех сторон. Стеллаж покачнулся и рухнул на пол, усеяв его обломками. Часть реторт разбилась, и едкий, ядовитый дым от смешавшихся реактивов заполнил весь отсек.

— О-о! — застонал Ярослав словно от зубной боли и на мгновение прикрыл ладонями глаза.

— Спокойно! — положил ему руку на плечо капитан.

Когда дым рассеялся, перед космонавтами на экране предстала жуткая картина: зеленая масса, извиваясь, выползала из всех лопнувших контейнеров в стороны. Казалось, перегрузки, вызванные ускоренным движением корабля, для нее не существовали. Можно было подумать, что в биологической лаборатории, вопреки всем законам физики, установилась невесомость.

Николай первым обратил внимание на одно удивительное обстоятельство: предмет, которого коснулось изумрудное вещество, куда-то исчезал. Вот зеленый язык наткнулся на катодный осциллограф, и прибор, обесцвотившись, медленно растаял, словно был вылеплен из снега.

— Возможно, он, потеряв цвет, стал прозрачным, — высказал предположение Ярослав. — Проклятая плесень, или что там еще, лишила его пигмента...

— А я думаю, она просто растворила его в едких кислотах, — добавил Николай.

— Боюсь, каждый из вас далек от истины, — покачал головой капитан. — Но давайте посмотрим, что произойдет дальше.

Близ Кира все еще оставалось немного свободного пространства. Биоконтейнеры, стекло, различные приборы — все без следа исчезало, стоило лишь загадочному космическому джинну коснуться его. По лицу Ярослава было видно, как больно ему наблюдать это дикое разрушение. Гибли результаты многолетних трудов, и никто не в силах был помочь. Но астробиолог волновался и переживал больше других: это он сам, собственноручно, выпустил на волю некоего монстра, с которым невозможно было совладать.

Тем временем робота, зажатого в угол, охватило движущееся вещество. Оно смело расправлялось с приборами и оборудованием отсека, но белкового пока щадило. Не касалось оно и корабельных стенок.

— Может, его пугает ионопластик, которым обклеены внутренние панели? — прошептал астробиолог.

— Ну, а Кир? — возразил штурман, борясь с дремотой.

Ярослав только плечами пожал.

Капитану на какое-то время удалось наладить радиосвязь с отсеком.

— Зеленое вещество испускает лучи, — донесся еле слышный голос робота. — Через тридцать секунд перехожу...

Фраза оборвалась — зеленая масса — это хорошо было видно на экране — двинулась на робота.

Кир исчез из поля зрения. Поверхность экрана затопило бушующее месиво, из него несколько раз показывались щупальца робота. Видно, Кир отчаянно сражался с противником, отступить ему было некуда.

В конце концов зеленая масса отхлынула от робота, и он, пошатываясь, поднялся на опорные щупальца.

— Кир, я приказываю: береги себя! — крикнул капитан.

Зеленая масса подозрительно колыхалась, готовясь к новому нападению.

— Эта... — штурман запнулся, подыскивая подходящее слово, — эта штуковина, видимо, опасается белковой материи.

— Не очень-то и опасается, — возразил капитан, наблюдая, как зеленая подкова снова начала сужаться.

Экран показывал все перипетии необычной борьбы. Кир отбивал атаку, будто лев. Вещество начало менять тона, словно хамелеон.

Неожиданно из зеленой массы вырвался тонкий шнур. Конец его на ходу раздулся и легко качнулся в сторону робота. Одним из щупалец Кир оборвал удивительный стебель, и тот, извиваясь, плавно опустился.

Ярослав покосился на товарищей. Кажется, они ничего этого

не заметили. И неудивительно: все произошло за какую-то долю секунды.

Астробиолог нервно потер щеки, отгоняя дремоту, и изо всех сил закричал:

— Перед нами разумная материя!

Николай Борт вытаращился на Ярослава, словно видел его впервые. Только капитан не выразил никакого удивления. Он словно ожидал этих слов.

— Какие у тебя, собственно, основания? — спросил Федор Скала, продолжая наблюдать за экраном.

— Правильная тактика в нападении и защите! — горячо произнес Ярослав. — Окружение врага... И еще: захват его.

Капитан кивнул, услышав подтверждение собственным мыслям.

— Если это разумная материя, то как найти с нею контакт? — сказал с отчаянием Николай и показал пальцем на экран.

Кир продолжал сражение с врагом.

Зеленая стена, которая к этому моменту стала сплошной, осторожно прогибалась каждый раз, когда робот делал шаг вперед, и сразу же стремилась охватить его со всех сторон. Становилось ясно, что посланцу Земли долго не продержаться.

Поймав мгновения, когда радиосвязь восстановилась, капитан охрипшим голосом прокричал:

— Кир, мы получили достаточно информации. Приказываю: любой ценой вырвись из отсека. Понял?

— Да.

— Нельзя допустить, чтобы зеленое вещество покинуло пределы астробиологического отсека, — заключил Федор Скала.

— Можно ли мне... воспользоваться... — долетел до кают-компании слабый голос робота. Слова было нелегко разобрать, но люди поняли, о чем речь.

Капитан не колебался.

— Да! — закричал он недослушав. — Включай лазерный пистолет.

— Капитан! — выкрикнул Николай.

— Спокойно, без паники! — произнес Скала. — Берегите глаза...

В то же мгновение по экрану пробежал следящий свет. Он погас и вспыхнул снова.

Тысячи огненных иголок, посланных роботом, пронизали третий отсек. Зеленая масса дрогнула и отступила.

Кир был похож на фантастического ежа, который выставил колючки в минуту опасности. Только роль иголок играли лазерные лучи — слепяще белые нити, которые несли на своем пути смерть всему живому.

Лабораторию наполнили белые испарения. Видимость почти исчезла, и капитан быстро включил инфравидение.

Зеленая масса конвульсивно подергивалась. Судя по всему,

лазерные лучи пришили ей не по вкусу, и робот от обороны перешел в наступление. Огромный еж медленно продвигался к середине зала, поводя огненными стрелами-иголками. Лазерные лучи достигали полутора метров, а потом обрывались. Такая настройка была связана с тем, что Кир опасался прожечь стенку лаборатории — а это дало бы возможность врагу распространиться по всему кораблю.

— Какая стойкая форма жизни, — пробормотал штурман. — Ничего подобного не встречал.

— И мне кажется — разумная... — прошептал астробиолог, готовый, казалось, влезть в трехмерный экран.

Капитан кивнул.

— Может быть, ты и прав, Ярослав, — сказал он и положил ему руку на плечо. — Но весь вопрос в том — дружен ли нам этот разум?..

— Два разума обязаны понять друг друга, — произнес астробиолог.

— Хм, обязаны найти общий язык, — усмехнулся Скала. — Короткая у тебя память.

— Ты о чем?

— Забыл, как когда-то на одной планете воевали представители одной цивилизации? Разумные, казалось бы, существа, а как безжалостно уничтожали они друг друга, с какой дьявольской изобретательностью! Старались так, чтобы от других и следа не осталось... Да что там говорить, — махнул рукой Федор Скала, — ты не хуже моего знаешь историю материнской планеты.

— Я знаю историю Земли, но тут другой случай.

— Случай другой, а опасность та же, — стоял на своем капитан.

— Смотрите, Кир что-то придумал! — перебил их штурман, показав рукой на экран.

И в самом деле, поведение робота резко изменилось. Он начал маневрировать, перебегая с места на место. Казалось, он исполняет какой-то странный танец, настолько выверенными и четкими были его движения. Еще бы, ведь любой неверный жест — и это теперь осознали не только люди, но и белковый, — мог стоить ему жизни. И за каждым жестом, за каждым движением его стояла огромная работа счетно-решающего устройства...

Вскоре в движениях белкового начала проявляться определенная закономерность. Медленно, но верно, приближался он к заветному люку. В такт прыжкам Кира покачивались и огненные иголки, которые помогали удерживать зеленую массу на определенном расстоянии.

— Чувство самосохранения... — пробормотал астробиолог. — Лишнее подтверждение разумности.

Радиосвязь с белковым снова прервалась, наладить ее никак не удавалось. Из третьего отсека доносились только ка-

кие-то шумы. Поэтому о том, какие чувства обуревают Кира, экипаж мог только догадываться.

Продолжая делать хитрые финты, робот пробился к стене и тут же погасил часть лучей, чтобы не повредить стенные панели, а остальную часть лучей собрал в узкий сноп.

Ошеломленная массивованным огнем, зеленая масса отступила на несколько метров. Возможно, это был тактический ход, состоявший в том, чтобы, собравшись с силами, ринуться на неприятеля. Однако Кир сумел лучше врага воспользоваться образовавшейся паузой. С невероятной силой он рванул на себя люк и выскочил из отсека...

Зеленый рукав выплеснулся было вслед за роботом, но, отсеченный безжалостным скальпелем лазерного луча, бесильно опустился на пол.

В то же мгновение Скала быстро переключил инфразор на коридорный отсек. Здесь все было обычно, даже не верилось, что в соседней лаборатории творится нечто невероятное. Спокойно фосфоресцировали панели, висела плотная, какая-то слежавшаяся тишина, поглощаемая мягким пластиком пола.

Все увидели медленно удаляющуюся фигуру робота. Он прихрамывал, подволакивая щупальце, видимо, поврежденное в недавнем сражении.

— Интересно, куда это он? — нарушил короткую паузу штурман. — Регенерировать повреждения?

— Не думаю, — покачал головой астробиолог.

— А куда же?

— Там, в конце, лаборатория экспресс-анализа, — пояснил Ярослав.

— Для Кира дело — прежде всего, как и для нас, — сказал Федор Скала. — Эту мысль ему внушили еще воспитатели Зеленого городка, где он был выращен... И, как я вижу, сделали это достаточно основательно.

Догадка Николая оказалась правильной.

Когда Скала переключил экран на отсек экспресс-анализа, все увидели там массивную фигуру робота, который копошился подле приборов. Сноп лучей, выпускаемый им, погас, едва Кир покинул третий отсек.

— Завершил предварительный анализ зеленой массы, взятой из третьего отсека, — доложил Кир.

— Ну! — подстегнул капитан.

— Вещество имеет мягкую кристаллическую структуру, — продолжал Кир.

Астробиолог крикнул и с досадой хлопнул ладонью по ручке кресла.

— Однако, беря во внимание некоторые данные, которые я сейчас перечислю, — сказал робот, — это, безусловно, живая материя.

Кир начал приводить данные, засыпая слушателей цифрами. Однако Скала прервал его:

— Цифры запомни, доложишь потом. А сейчас нас интересуют только логические выводы. Имей в виду, времени у нас в обрез.

— Скажи, Кир, как ты полагаешь: обладает ли зеленая материя разумом? — Задав этот главный для него вопрос, астробиолог с замиранием сердца ожидал ответа.

Но белковый не спешил. Он замер перед гигантской спектральной установкой, подобный огромной статуе. Неподвижность робота свидетельствовала о напряженной работе мысли.

— Зеленое вещество не является высокоорганизованной материей, — произнес наконец Кир. — Это конгломерат бактерий, появившихся из спор. Причина такого бурного размножения, которое продолжается до сих пор, — подходящие условия...

— Астрогиббереллин, — вставил Ярослав.

— Однако я не исключаю, что перед нами — явление, до сих пор человечеству неизвестное, — продолжал белковый. — Бактерии образуют некий коллективный разум, подобно тому как клетки головного мозга образуют самый мозг.

— Скажи, Кир, а самый вид бактерий нам известен? — спросил астробиолог.

— Нет, — ответил белковый. — Я проверил по каталогу «Жизнь в космосе», который ношу в памяти. Ничего подобного там не нашел.

— Каково их основное назначение? — задал вопрос капитан.

— Они способны расщеплять и усваивать чужеродное вещество.

— А панельный пластик? — спросил астробиолог.

— Это одна из загадок, решить которую пока не удалось: ионизированное вещество является исключением, — произнес белковый.

Наступило продолжительное молчание. Наконец Николай Борт сказал, ни к кому не обращаясь:

— И все-таки я не нахожу ответа на главный вопрос: представляет ли собой зеленая масса некий организм, обладающий разумом? И если да, то каков его потенциал? Неужели в поведении зеленой массы, которое мы наблюдали, нет ничего разумного?

— Может быть, эта масса действует подобно саранче, которая уничтожает на своем пути все что можно, — сухо произнес Федор Скала.

В этот момент Кир, надолго замешкавшийся у последней диагностической установки, отвернулся от нее и решительно сказал:

— Капитан!

Люди умолкли: тон робота не сулил ничего доброго.

— Слушаю, Кир, — ответил Скала.

— В мое тело проникли чужеродные бактерии.

«Только этого нам не хватало!..» — промелькнуло у астробиолога.

— Много? — спросил капитан.

— Несколькó сот. Они проникли в порез на щупальце и оттуда распространяются по всему телу...

У штурмана екнуло сердце. Он припомнил походку, которой белковый шел по коридорному отсеку, и подумал, что уже тогда почуял что-то неладное. А если еще и Кир выйдет из строя...

— Вот что, Кир. Ступай в камеру профилактического облучения, — распорядился капитан.

— На сколько? — уточнил белковый будничным тоном, словно погружаться в смертельно опасное излучение было для него обычным делом.

— На сто секунд.

Робот кивнул:

— Слушаюсь.

— Ты с ума сошел, Федор! — схватил штурман за руку капитана. — Такая доза убьет его.

— Максимальная доза — единственный шанс в создавшихся условиях, — возразил Скала.

— Если Кир погибнет, нам не справиться с управлением корабля!.. Ярослав, что же ты молчишь, черт возьми! — в отчаянии закричал Николай. — Нужно остановить Кира, пока еще есть время — он будет идти до камеры около двух минут!

Астробиолог колебался.

— По данным Зеленого городка, Кир от такой дозы должен погибнуть, — разжал он наконец бледные губы. — Однако с тех пор прошло...

— Вот-вот, мы находимся в полете добрых пятнадцать лет, — перебил капитан. — За это время белковый претерпел определенные изменения. Его организм усовершенствовался, как то было заложено в программе.

Штурман хотел что-то возразить, но только махнул рукой.

— Наведаемся в третий отсек, — произнес капитан и переключил видеозор.

Волнение, которое породил в астролаборатории Кир своими действиями, успело улечься. Но количество зеленой массы заметно увеличилось. Она колыхалась, разбухала, зловеще перекатывалась от одной стены к другой, однако по-прежнему не касалась панелей.

Что будет с кораблем, когда она вырвется на волю?.. «Адальберта Виргиния» наверняка погибнет. Об этом думал каждый из членов экипажа.

Тревожные предчувствия, казалось, материализовались, образовав в кают-компанинiи беспокойную атмосферу. Как там Кир? Неужели погиб?

— Умом, Федор, понимаю, ты прав, — произнес Ярослав Горный. — Но согласиться трудно...

Капитан промолчал.

— Необходимо выработать план дальнейших действий, — начал штурман, — в случае, если...

— Бактерии погибли, — послышался из динамика голос белкового.

Люди облегченно вздохнули.

— Как ты? — спросил Скала.

— Поврежден нервный центр.

Ярослав скривился словно от боли.

— Но еще какое-то время я смогу выполнять твои приказания, капитан, — заключил робот.

— Спасибо, Кир, — сказал Федор.

Капитан тяжело поднялся, прошелся по отсеку. Остальные молча следили за ним.

— Итак, нас пока четверо, — сказал капитан. — Курс корабля остается стабильным, последние события на него не повлияли. Давайте решим: что делать с третьим отсеком?

Гнетущая тишина воцарилась в отсеке. Каждый понимал, какая ответственность ложится на него в эти мгновения. О, нет, не только ответственность за жизнь друзей, за корабль, за бесценную информацию, которую ждет Земля. Здесь речь шла о чем-то качественно новым.

Кто возьмет на себя смелость сказать, что на самом деле представляет собой странное изумрудное вещество? Ведь даже показания приборов, которые исследовали его, противоречили друг другу. Что же говорить об умозаключениях экипажа?

— Может, покроем снаружи третий отсек ионопластиком? — предложил штурман.

— Нет, все равно рискованно, — покачал головой капитан. — Корабль не может нести в себе все время бомбу, которая способна взорваться в любой момент.

— Мы смонтируем лазерную пушку и нацелим ее на люк третьего отсека, — произнес Ярослав. — Если зеленая напасть переступит границу, мы расстреляем ее в упор, как это делал Кир.

Астробиолог вопросительно посмотрел на капитана, но тот снова возразил:

— Расстрелять-то расстреляем, но где гарантия, что при этом какая-то часть бактерий не проникнет в другие отсеки? Тогда уж нам ни за что не справиться с зеленым чудовищем. Оно уничтожит весь корабль.

В кают-компанию вошел Кир. Вид у него был не ахти какой: шупальца искалечены, пластик, прикрывающий фотоэлементы, разбит.

Робот молча приблизился к экрану и включил третий отсек. Картина была, увы, малоутешительной. Вся зеленая масса вращалась словно сумасшедшая. В этом был свой смысл:

в результате такого вращения возникали центробежные силы. Они отбрасывали внешние слои бактерий к стенкам лаборатории, и отдельные изумрудные языки едва не касались ионопластика.

Космонавты некоторое время как зачарованные смотрели на вакханалию зеленых красок.

— Вот что, — произнес капитан. — Биологическая лаборатория — весь отсек — должна быть катапультирована. Другого пути к спасению у нас нет.

«Адальберта Виргиния» была построена по принципу подводной лодки: она состояла из отсеков, каждый из которых имел самостоятельное значение. Это придавало кораблю большую живучесть: он мог «оставаться на плаву» и функционировать, даже когда значительная часть отсеков выходила из строя. В случае необходимости «Адальберта» могла лишиться любого из своих отсеков.

В течение нескольких минут космонавты произвели необходимые расчеты — бортовому компьютеру пришлось потрудиться с полной нагрузкой — и заняли свои места. За долгие годы полета производить подобную операцию с кораблем еще не приходилось. И потому не только члены экипажа, но даже Кир заметно волновались...

Когда капитан нажал на кнопку, которая приводила в действие катапульту, штурману почудилось, что корабль протестующе вздрогнул и от носа до хвоста прошла тормозящая волна. А может, это была только игра расстроенного воображения? Впрочем, стрелки на пульте управления кораблем поначалу и впрямь неуверенно задергались и лишь спустя несколько минут, после трех-четырёх команд капитана, снова успокоились, а сигнальные лампочки погасли.

Странно и непривычно было видеть на экране внешнего обзора вместо одного — два искусственных небесных тела: «Адальберту Виргинию» и отпочковавшийся от нее шарообразный отсек биологической лаборатории. Расстояние между ними медленно увеличивалось, словно отсек изо всех сил старался не отстать от материнского тела корабля.

— Мать и дочь, — заметил кто-то из экипажа, кивнув на экран.

— Строптивая дочь, — уточнил капитан.

— Третий отсек уже далеко от нас, — после паузы с грустью произнес астробиолог, ни к кому не обращаясь. Он чувствовал себя так, словно его обокрали.

Штурман покачал головой:

— Твой глазомер, Ярослав, не выдерживает никакой критики.

— А ты что скажешь, Кир? — спросил капитан.

— Двадцать четыре километра, — не колеблясь, ответил робот, словно ожидал этого вопроса.

— Двадцать четыре километра! — повторил Скала. — Пешеход преодолевает это расстояние за пять часов. Автомашин-

на — за пятнадцать минут. А звездолет... звездолет «глочет» их за ничтожную долю секунды. Контейнер, который несет в себе смерть, плывет совсем рядом с кораблем словно привязанный к нему. Опасность уменьшилась, но не исчезла.

— Очевидно, отсек получил недостаточный импульс, — встал задумчиво Кир.

— О! Смотрите! Отсек начал дрейфовать в нашу сторону, — воскликнул штурман. — Мне кажется, он увеличивается в размерах. — При этом штурман бросил испытующий взгляд на Кира, имевшего непререкаемый авторитет во всех вопросах, которые касались измерений в открытом космосе.

— Ты прав, но только отчасти, — пророкотал робот. Иногда он высказывался достаточно цветисто — привычка, перенятая им еще от своего воспитателя.

— Поясни, пожалуйста, Кир, — кротко попросил Николай.

— Расстояние между отсеком и кораблем в настоящее время остается неизменным.

— Но отсек растет!

— Да, он сам по себе увеличивается в размерах, — согласился робот. — Объяснить это явление пока не берусь...

— Неужели это споры?.. — воскликнул побледневший астробиолог.

Теперь уже и невооруженным взглядом было видно, что сферический отсек разбухает словно на дрожжах.

— Послушайте, а вам не кажется, что... — начал штурман, но его голос заглушил дружный крик, вырвавшийся у остальных членов экипажа. Громче всех вопил Кир — его вопль был подобен отчаянной сирене корабля, заблудившегося в тумане.

...Черный шар, плывущий в пространстве, вдруг лопнул, и из трещины вырос извивающийся фантастический цветок изумрудного цвета. Зеленые лепестки его поблескивали, словно осыпанные драгоценными камнями.

Однако при всей своей чарующей красоте цветок нес в себе страшную опасность. Хищная колония микроорганизмов вырвалась из темницы, в которую была заключена, и бросала вызов космонавтам.

Цветок некоторое время покачивался на своем гибком все увеличивающемся стебле, а затем рывком потянулся к звездолету.

Первым оторвал глаза от феерического видения капитан. Словно сбросив чары, он подскочил к пульту управления и крутанул несколько верньеров, резко увеличив мощность фотонных дюз. Из чаши-отражателя, расположенной в кормовой части корабля, хлынула ослепительная река пламени.

Люди разместились в противоперегрузочных креслах и замерли в болезненном ожидании.

«Адальберта Виргиния» набирала скорость. На экране хорошо было видно, как растет постепенно расстояние между ко-

раблем и изумрудным цветком, который к этому моменту уже стал походить на зеленое облачко.

Кажется, облачку жаль было разлучаться с «Адальбертой». Оно протягивало к кораблю длинные присоски, словно умоляло подождать его.

Скала, Борт, Горный и Кир не отрываясь смотрели на огромный выпуклый глаз обзорного экрана. Зеленая тучка удалялась. Вот она превратилась в кошачий глаз и в конце концов — просто в зеленую точку, которая через короткое время растворилась в бесконечных просторах космоса.

Владимир МИХАНОВСКИЙ родился в 1931 году в Харькове. По специальности физик-теоретик, преподавал в Харьковском университете. Известен как поэт и писатель-фантаст. Автор книг «Тайна одной лаборатории», «Двойники», «Прыжок над бездной», «Оранжевое сердце» и многих других. Член Союза писателей. За научно-фантастические произведения, посвященные космосу, награжден медалями имени Ю. А. Гагарина и С. П. Королева. Неоднократно печатался в «Искателе»,

